

государству в защите подсудимого. Большевики закрыли такую возможность, и «советское» убийство в культурном и политическом отношении отличалось от «чисто русского», заключает автор (с. 269).

О.В. Большакова

2016.01.014. ДЁННИНГХАУС В. РЕВОЛЮЦИЯ, РЕФОРМА И ВОЙНА: НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ЗАКАТА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ / Под ред. Савина А.И., Ковалева М.В. – М.: РОССПЭН, 2015. – 327 с.

Ключевые слова: Российская империя; начало XX в.; немцы Поволжья; политика; право; экономика; эмиграционное движение.

В книге док. ист. н. В. Дённингхауса (зам. директора Норд-ост-института, г. Люнебург, Германия), состоящей из введения, пяти глав и заключения, проведен анализ экономического положения немцев – поселян-собственников – в преддверии Первой русской революции. Рассмотрены социально-экономические и культурные аспекты жизни поволжских немцев в период революционных потрясений 1905–1907 гг., их политическая ориентация. Раскрываются правовые и экономические проблемы жизни немецкого населения в период проведения столыпинской аграрной реформы. Показаны характерные черты и особенности эмиграционного движения в Поволжском регионе в исследуемый период.

В первой главе монографии представлены основные историко-демографические данные о населении Саратовской и Самарской губерний на рубеже XIX–XX вв., проведен анализ экономического положения поволжских немцев.

Национальный состав населения Саратовской губернии, отмечается в книге, был достаточно разнообразным. Во всех ее уездах преобладало русское население, которое по данным переписи населения 1897 г., составляло 76,75% жителей, а в городах – даже 91,14%. Второй по численности этнической группой были поволжские немцы – 6,92% всего населения. В Самарской губернии, также весьма пестрой по своему национальному составу (русские, украинцы, татары, чуваша, мордва, башкиры и т.д.), немецкие поселенцы составляли около 8% от всей численности местного населения. К началу XX в. по обоим берегам Волги располагалось более двух-

сот немецких колоний, население которых превышало 400 тыс. человек. За время существования немецких поселений колонисты упорным трудом способствовали подъему экономики региона, быстрому росту торговых и промышленных центров Юго-Востока России (Самара, Саратов, Царицын, Камышин, Покровск и др.) (с. 3).

Однако, считает автор, положение немецких колоний в Саратовской губернии далеко отставало от идеального, слухи о котором нередко распространялись националистическими печатными органами России в довоенный период. Тесные рамки сельской общины уже не выдерживали напора роста немецких семей. Недостаток пахотных земель, повышение арендной платы, частые неурожаи, непосильные налоги и другие причины заставляли многих селян уезжать в большие города, прежде всего в Саратов, Самару, Астрахань, Баку. Необходимость поиска заработков на стороне нарушала сложившиеся патриархальные порядки, приводила к «нравственной деморализации» беднейшей части поселян. Одним из последствий разорения деревни явилось появление большого количества нищих в городских и сельских центрах Поволжья. Причем среди нищих все чаще стали попадаться потомки немецких колонистов, традиционно считавшихся крепкими хозяевами (с. 14).

Вторая глава посвящена социально-экономическим и культурным аспектам жизни поволжских немцев в период революционных потрясений 1905–1907 гг., их политическим настроениям и отношению к «конституционной монархии».

В 1905–1907 гг., пишет автор, немецкое население Саратовской и Самарской губерний фактически не принимало никакого участия в аграрном движении, вылившемся в ряде уездов и волостей Поволжья в кровавые столкновения крестьянского населения с правительственными войсками. В политических целях и методах поволжских немцев революционного начала было немного, как правило, они солидаризовались с бывшими государственными крестьянами, проживавшими по соседству, и резко расходились с бывшими помещичьими крестьянами, прибегавшими к поджогам, грабежам и т.д. Даже решение проблемы малоземелья в немецких поселениях, несмотря на всю ее остроту, не выходило, в отличие от соседних русских деревень, за границы жарких споров между бедными и богатыми поселянами, в самом крайнем случае выливаясь

лишь в драки и потасовки. Среди основных причин такой низкой политической активности колонистов Поволжья автор выделяет слабое социальное расслоение, отсутствие крупного помещичьего землевладения, массовое незнание русского языка и довольно позднее развитие светской национальной печати. Специфика политических требований немецких колонистов заключалась в том, что они выступали лишь за кардинальные реформы местной власти и предоставление определенного самоуправления своим селениям. Идеи создания политической автономии, образования конституционной монархии, организации национальных земств и партий практически не нашли своих сторонников в среде поволжских немцев.

Наиболее радикальные представители земского «третьего элемента», в основном учителя, наряду с самоуправлением колоний требовали также преобразований в сфере народного образования, включая искоренение насильственной русификации в немецких школах. По мнению автора, реформа системы преподавания была прогрессивным явлением. Однако школьные реформаторы упустили главное: немецкая школа по своему историческому прошлому и по своим задачам являлась учреждением чисто конфессиональным. Ее целью являлось распространение религиозных знаний среди немецких учащихся, подготовка их к конфирмации и сознательному участию в богослужении. Именно на этом принципе основывалась всеобщность обучения в немецких колониях и его обязательность. Уменьшение часов преподавания на религиозное обучение с целью освобождения времени для ряда светских предметов угрожало отходом от веры. Важно и то, что колонисты-протестанты верили в то, что они должны общаться с Богом только на их родном, немецком языке. Поэтому их беспокойство относительно изучения русского языка было вполне объяснимо. Зачастую деятельность русских учителей в немецких селениях расценивалась ее жителями как разрушение старинных национальных обычаев и традиций (с. 64).

Несколько неурожайных лет (1901, 1905 и 1906) создали питательную среду для агитации и пропаганды различных оппозиционных сил, деформируя традиционные мировоззренческие установки. Религиозные мотивы все меньше определяли поведение крестьянской массы, уходил в прошлое и прежний стереотип верующего колониста. В этот период в общественном настроении в ряде

немецких поселений стал проявляться определенный антирелигиозный характер. В то же время неоднозначная позиция поселян к служителям культа являлась не столько показателем отношения к религии и церкви вообще, сколько к российскому государству и его чиновникам, существенно пошатнувшегося в массовом сознании народа (с. 78).

Одним из главных явлений общественного движения в немецких колониях Поволжья в период революционных событий 1905–1907 гг. автор считает создание светской печати. В эти годы возникла целая волна новых газет либерального толка на немецком и русском языках.

Ярых сторонников свержения самодержавия среди колонистов было мало. Выборы в Первую государственную думу четко показали, что немцы Поволжья не являлись консервативными монархистами – защитниками старого режима, но радикальные революционные идеи были им также чужды (с. 94). Вместе с тем, подчеркивает автор, первая русская революция стала большим разочарованием для немцев-поселян, так как все их попытки добиться широкого самоуправления своими колониями и школами остались безуспешными.

В третьей главе раскрываются правовые и экономические проблемы жизни немецкого населения в период проведения столыпинской аграрной реформы, показывается реакция немецких крестьян на ликвидацию общины и создание «фермерских» хозяйств.

В немецких селениях, пишет автор, на начальном этапе аграрных преобразований имело место достаточно инертное отношение поселян к выходу из общины. Большинство сельских обществ противилось переменам, предпочитая новому аграрному порядку традиционные переделы земли, и численность поселян-выделенцев была минимальной.

Возможности, открытые аграрной реформой, привлекали, прежде всего, активных и инициативных крестьян. Но для того, чтобы вырваться на хутора или отруба из объятий «мира», необходима была не только решительность и сила характера, но и капитал, достаточный для обзаведения хозяйством на новом месте.

Между тем наряду с обеспеченными хозяевами наблюдался и выход из общины деревенской бедноты, воспользовавшейся своим правом избавиться от наделных земель, чтобы уехать в город,

переселиться в Сибирь или податься в эмиграцию. Для многих немецких земледельцев «слабого достатка» реформа Столыпина и связанное с ней выделение государственных земель на востоке страны представлялось единственным средством спасения от бедности. Удешевленный проезд по железной дороге, возможность продажи своего наделного участка без согласия на то общины, надежда разбогатеть – вот основные мотивы, побуждавшие немецкую бедноту на переселение за Урал, в Казахстан и Среднюю Азию. Однако большая часть переселившихся семей была вынуждена сразу же вернуться назад, потеряв при этом последние накопления (с. 141).

Анализируя общие итоги аграрной реформы в немецких поселениях Саратовского Поволжья, автор выделяет несколько специфических особенностей. Во-первых, основная волна выхода поселян-собственников из общины приходится на 1910–1914 гг., в то время как по губернии – на первые три года проведения реформы. Во-вторых, в целом из немецких общин вышло около 71% домохозяев, в то время как соответствующий общегубернский показатель составил всего лишь 27,9%. В-третьих, в немецких волостях приобрело массовый характер разверстание целых селений на отруба, что было совершенно не характерно для крестьян других уездов. К особенностям столыпинской аграрной реформы в немецкой деревне автор относит также лишение немецких земледельцев финансовой помощи Крестьянского поземельного банка. В то же время переход поселян к наследственному землевладению не привел к коренному изменению их экономического положения (с. 155).

Одним из подтверждений слабой эффективности аграрных реформ в немецких волостях явилась эмиграция немцев, причем из уже разверстаных на отруба селений. Особенности эмиграционного движения в Поволжском регионе на различных исторических этапах исследуемого периода рассмотрены в четвертой главе. Автор отмечает, что остро стоявшая проблема малоземелья к началу XX столетия была решена немецкими поселенцами не революционным путем, а посредством эмиграции в Америку, переселением в Сибирь, арендой земель в соседних регионах России (например, в области Войска Донского), а также с помощью развития кустарных промыслов – производства вейлок, плугов, развития кожевенного производства и т.д.

Особенно резко выросли масштабы немецкой эмиграции к началу XX столетия. Только в 1901–1910 гг. Россию покинули 90 тыс. граждан немецкой национальности, в 1911–1920 гг. – еще 48,6 тыс. человек. Более 50% всех российских немцев-эмигрантов сконцентрировалось преимущественно в штатах Северо-Запада США (Миннесота, Небраска, Канзас, Айова, Миссури, Колорадо и др.). По различным данным, с 1874 по 1914 г. из Поволжья выехали до 100 тыс. бывших немецких колонистов (с. 278). Только начало Первой мировой войны смогло затормозить развитие ежегодно нарастающей эмиграционной волны.

В пятой главе рассматриваются различные аспекты «антинемецкой кампании» в годы Первой мировой войны, показаны основные тенденции формирования в Поволжье антинемецких настроений. Особое внимание уделено политике центральных и губернских властей по отношению к «внутренним немцам», показана реакция немецкой деревни на начавшуюся войну.

Автор указывает, что немецкие поселенцы не были чужды патриотическому порыву. С началом войны во всех лютеранских и католических церквях Поволжья прошли молебны о даровании победы русской армии. По некоторым подсчетам, уже к 1 июня 1915 г. немецкие поселения Поволжского региона пожертвовали на фронтовые нужды около 100 тыс. руб., а также большое количество обуви, белья и продуктов для нужд российской армии (с. 235). Одновременно шли жертвования в пользу целого ряда центральных благотворительных организаций, занимавшихся вопросами попечения раненых военнослужащих и беженцев. Помимо сбора жертвований, поволжские колонисты столкнулись и с необходимостью обустройства в своих селениях эвакуированного и депортированного населения из западных губерний России. Наряду с оказанием материальной и финансовой помощи фронту, непосредственно в самих поволжских колониях возникло множество благотворительных организаций, образованных по территориальным, профессиональным и конфессиональным признакам.

Однако, подчеркивается в книге, с началом экономических трудностей, а именно с осени 1915 г., в Поволжском регионе обострилась неприязнь к немецким жителям. При этом часть населения стремилась решить свои насущные проблемы за счет сведения

счетов с немецкими соседями, обвинив их в нелояльности российскому правительству и саботаже.

Образ «внутреннего врага», сформировавшийся с началом войны в Саратовской и Самарской губерниях, оказался более зримым, чем в центральных регионах страны. Хозяйственные противоречия приобрели здесь окраску противостояния «своих» и «чужих», большую роль сыграли представления о хищничестве немец-предпринимателей и надежды улучшить свое положение за счет экспроприации немецкого землевладения. Во время войны появился вал анонимок и доносов о политической «неблагонадежности» целого ряда лиц немецкой национальности и граждан, имевших немецкую фамилию.

Фактически в период Первой мировой войны, считает автор, немцы Поволжья стали обычными заложниками политической ситуации, когда сомнению была подвергнута не только их лояльность, но и были сделаны попытки свалить на них вину за неудачи на фронтах и в тылу (с. 253). Проверке на «лояльность» подверглись не только отдельные личности немецкой национальности, но и целые отрасли промышленности, в которых немцы занимали ведущие позиции, в первую очередь – мукомольная. Дальнейшие события показали всю несостоятельность обвинения саратовских немецких мукомолов в искусственном нагнетании голода.

Изменение политики российского государства по отношению к российским немцам четко проявилось на примере военнотружущих, призванных в действующую армию. Как правило, военнотружущие из числа немецких поселян были безоружны и использовались в тыловых частях на хозяйственных работах, нередко вместе с военнопленными-турками. Основная масса поволжских немцев была также сосредоточена в запасных и ополченческих бригадах, а также в рабочих ротах, находившихся в распоряжении Начальника военных сообщений и интенданта Кавказского военного округа. К 1917 г. революционные настроения, захлестнувшие российское общество, охватили и многомиллионную армию империи. Не стали исключением и военнотружущие из числа немцев Поволжья, потерявшие за время войны свои верноподданнические чувства как к царскому самодержавию, так и к правительству А.Ф. Керенского. Большевицкая пропаганда среди солдатских масс способствовала тому, что немалая часть немецких военнотружущих активно при-

няли участие в работе солдатских комитетов, поддержав Октябрьскую революцию.

В.С. Коновалов

2016.01.015. РОЗЕНТАЛЬ И.С. Н. ВАЛЕНТИНОВ И ДРУГИЕ. XX ВЕК ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ. – М.: Новый Хронограф, 2015. – 536 с. – (Серия «Российское общество. Современные исследования»).

Ключевые слова: Н. Валентинов; царская Россия; советская Россия; общественная мысль; историческая наука; эмиграция.

В книге док. ист. н. И.С. Розенталя на основе архивных и печатных материалов рассматривается опыт осмысления истории XX в. публицистом и мыслителем Н.В. Вольским (Н. Валентиновым) (1879–1965), внесенный им вклад в развитие общественной мысли и исторической науки. Это вместе с тем биографическое исследование, связывающее движение мысли с жизнью Валентинова до революции, в советской России и в эмиграции.

Книга состоит из введения, трех глав («От партийности к беспартийности»; «Взгляд на предреволюционную Россию»; «Советский Союз в освещении современников») и заключения. Разделы внутри глав являются проблемными, либо проблемно-биографическими. Краткие биографические сведения сообщаются в комментариях. В монографии есть указатели: имен, географический и топографический, предметный.

Н. Валентинов – псевдоним Николая Владиславовича Вольского. Профессиональный журналист с 1905 г., он продолжал журналистскую деятельность в Советской России и в СССР в 1920-х годах. После своего «невозвращения» в 1930 г. из Парижа в Москву печатался в различных эмигрантских газетах и журналах, во французских и американских изданиях.

Биографический материал позволяет лучше понять, что подводило Валентинова к выводам, которые он отстаивал, или к их корректировке. Ибо основная тема книги – освещение некоторых событий, явлений, проблем новейшей российской истории современниками, выяснение особенностей восприятия и интерпретации ими прошлого, когда оно еще не слишком отдалилось, не успело «остыть». Тема эта переплетается с другой – историей русской ин-